

Автор представлен членом Художественного совета **Евгенией Барановой**

А было весело, так весело, когда
переставала быть водой вода
и разгильдяи превращались в города
без темных окон.

Катили бочку - друг на друга - Каберне,
топили истину котятками в вине,
и друг на друге как на атомной войне,
и вился локон

от сигарет на запотевшем лбу окна,
мы перетягивали время, как канат,
и простынею ночь просушивалась над,
сжимая в кокон

хмельных, крамольных, ми-бемольных и больных,
влюблённых в мёртвых чуть сильнее, чем в живых,
предпочитавшим всем богатствам жмых
и водку с соком,

и было весело, так весело, до слёз,
и свет из нас струился ярко, на износ,
и счастье всех поцеловало в нос

и вышло с Богом.

В Интернете есть ролик про бабушку и Альцгеймер, и не то чтоб его невозможно смотреть без слёз. Человек живёт по закоротившей схеме, человек не воспринимает себя всерьёз, собирает углы и по ним собирает крошки, и одно из имён господних твердит, твердит, не отличает вилку от, скажем, ложки, и ногами вперёд выносят ему вердикт. Эта старая женщина роется в старых сумках, и сберкнижка воспоминаний горит в огне; эта старая женщина роется в старых сутках, и плодами Тантала память плывёт над ней. Непонятно, в чем божья авторская задумка, почему эта женщина падает и встаёт, снова падает головой в табуретный угол; кто-то в церкви поёт: "Да святится имя Твоё".

Я пытаюсь представить жизнь её до момента, на неё обвалившего крест, что она несла. Вдруг она умела играть на трёх инструментах, никому не жалела добра, не желала зла; вдруг пахала - в прямом и в переносном смысле; паковала посылки на фронт, находясь в тылу. А теперь у неё ни о ком ни единой мысли, и она лежит на холодном своём полу. Дети где-то в других городах, на иных планетах, и смеются они, и заводят своих детей, а быть может, что никого у неё и нету, и глаза у неё - пустой и ещё пустей. В клипе видно, как муж (или брат, или врач) приходит, и с холодного пола к кровати тащит её. И уходит из кадра, а нищенка в переходе всё поёт и поёт: "Да святится имя Твоё".

В Интернете есть ролик про дедушку и Альцгеймер. Или, может, про бабушку. Бабушку, точно, да. Я не помню, чем различаются гей и геймер, почему сегодня не кончится никогда. И мне сорок лет, а детей моих - ни в проекте, ни в помине, я здесь одна как перст, но почему-то по комнате скачут дети, я пеку пирожки, почему-то никто не ест. Я торгую на рынке вязаными носками. У меня есть медаль и гордость не за себя. На обоях - рисунок внука, почти наскальный. Фотографии в чёрных рамках опять не спят. Я передам, что мы победили немцев, и за билет, конечно же, передам. Восемьдесят четыре, проблемы с сердцем, заплатить за свет, из крана течет вода. На каком ты фронте, гаснет слеза в плафоне, кто приходит, на полу лежать не даёт.

И невидимый голос в сломанном патефоне всё поёт и поёт "Да святится имя Твоё".

Желтый мячик спит на синем
кракелюрном потолке.
Смерть доплавалась в бассейне,
смерть доплавалась в реке.

Утопив лицо в подушке,
я ни мысли не хочу.
Смерть допрыгалась лягушкой
к потолочному мячу.

Врач утопит в алкоголе
мне прописанный рецепт.
Смерть добегалась до боли
в селезёнке и в крестце.

Спи, дочурка, спи, сынишка,
спи, юла, и спи, волчок,
спи, растрёпанная книжка,
спи и пьяный и торчок,

спи, столица, спи, станица,
спите, кречеты в степи,
крестик, нолик, единица,
Бог, и ты чуть-чуть поспи,

засыпайте, засыпайте,
с сердца вон из глаз долой,
засыпайте, засыпайте
прахом, пухом и землей,

что ж тебе и мне не спится
без матросской тишины?
Ты - убийца, я - убийца,
мы друг другу не страшны.

Кровь текла водой сквозь пальцы
почему-то вверх, не вниз.
Желтый мячик, просыпайся,
снова солнцем становись.

Атлас памяти покоцан,
карта выдрана моя.

Пусть всегда сияют - Солнце,
Мама, папа,
ты и я.

забери меня, море!
я очень и очень устал.
у меня было всё -
у меня ничего не осталось.
как в далеких горах старики доживают до ста?
может, в их словарях нет и не было слова "усталость?"

я оставил свой дом -
или дом мой оставил меня?
я оставил родных -
или был ими оставлен?
никого, ничего у меня невозможно отнять.
только синие сны в изголовьях покинутых спален.

в отражениях волн я черты свои не узнаю:
там мне видится кто-то
счастливей меня многократно!
забери меня, море,
всю серость и слабость мою,
семь бессмертных грехов и помятый билет мой обратный.

...как к возлюбленной женщине, я прикоснулся к волне
и меня увели в глубину тёмно-синие боги.
и в русалочий хвост обернулись усталые ноги.
это было во сне,
в золотом лихорадочном сне!

обречённым на жизнь,
абсолютно лишённым тревоги,

забери меня тысячу раз
и верни меня
мне!

а ведь так посмотреть - а нет у нас ничего,
нам не ведомо даже то, как у нас дела;
ногти господом богом придуманы для того,
чтобы ими закусывать нервы,
как удила
почитаешь газет, посмотришь экрану в рот
покиваешь авторитетам
и встанешь в шесть
ты хотел бы все это сделать наоборот
но ничем, кроме жести,
стать не способна жечь
ведь страшнее всего не власти, не ГНК,
не шизофрения
не дефицит тепла
а когда-то любимая ласковая рука,
что вдруг стала тебе
железна и тяжела
и пушистая совесть, чья шерстка теперь шипы
и ты колешься ей
как
дезоморфинист-
ясный сокол,
от губ науки и уст волшбы
отодвинуться бы
не слышать весь этот свист
говорить только важное.
но из тебя опять
выпадает трамвайный звон и собачий лай
так семнадцать превращается в тридцать пять
после градусник лопнет
и опаньки
нет числа
нет числа твоим страхам, привязанностям твоим
недомолвкам, смертям,
пустотам,
шагам назад
если явью становится, значит, не так таим
не превращается водка на раз
в нарзан
никаких вопросов,
кроме "как тебя НЕ зовут"
и
"когда все успело ТАК далеко зайти"
это кажется,
что
до истины
пять минут.
а на самом деле тысячи лет
пути

Моя Любовь говорит негромко. Но слышен стекольный звон.
Она привыкла стоять в сторонке, когда её гонят вон.
Она не плачет в рукав, когда на неё орёт адресат.
По самым наипоследним данным, она не пойдёт назад,
как бы ни гнали её оттуда, где она видит Дом.
Моя Любовь говорит: "Не буду откладывать на потом".
Она отпивает из всех бутылок, поэтому так честна.
За ней след в след и дыша в затылок, вступает в права Весна.

Моя Надежда, как дошколёнок, не пишет ещё слова.
Она в зелёном для всех влюблённых пребудет всегда жива.
Ее забрасывали камнями тысячи тысяч лет,
в ночи бежали за ней с огнями, и все потеряли след.
Из всех возможных горячих точек натравливали собак,
собаки их растерзали в клочья с улыбкою на зубах.
Пойдет, конечно, за ней по следу ещё не один злодей.
Моя Надежда умрёт последней, последней из всех людей.

А Вера крепче меня в три раза и старше своих сестёр.
У Веры три разноцветных глаза и каждый из них остёр.
Она вытаскивает меня из всей моей черноты.
Когда мои взгляды на жизнь менялись и были глаза пусты,
когда голоса заменяло эхо, страшнейшее на Земле,
молчало всё - от стиха до смеха, от первого до после...
Когда сказавший, что время лечит, мне, оказалось, врёт,
то Вера взваливала на плечи меня и несла вперёд.

Моя Любовь не придёт, наверно... Она на краю Земли.
Я вновь лежу на плече у Веры.
Надежда стоит вдали.
Ее зелёное платье флагом вздымается на ветру.
Сегодня я зарекаюсь плакать.
Сегодня я не умру.

Сегодня будет длиною в Вечность и качеством в 10 D.
Нам не страшна никакая нечисть, живущая впереди.

Любовь идёт ко мне отовсюду, со всех четырёх сторон,
в пустых ладонях сверкает Чудо.

Мы справимся вчетвером.